

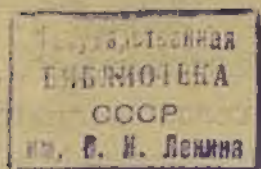
✓ $\frac{541}{174}$

2007111656

ЛМ
43788

А. Б. 209

41040-7

У 541
174

Записка объ устройствѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Александровскаго лицея и программахъ преподаванія въ немъ.

Лицеиста XXV курса (выпуска 1862 года,) Григорія Николаевича Вырубова.

Лицей предназначается для воспитанія избраннаго меньшинства русской молодежи, и даетъ не какое-либо спеціальное знаніе, а общее образованіе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Это тѣ два руководящія начала, которыя должны лечь въ основаніе его внутренняго устройства и его учебныхъ программъ. Изъ этихъ началъ вытекаютъ немедленно нѣкоторыя общія положенія, которыя необходимо прежде всего поставить на видъ.

Въ 120-милліонномъ Государствѣ, школа, выпускающая ежегодно не болѣе 30 воспитанниковъ, съ исключительными служебными преимуществами, имѣетъ полное право быть строгой въ своихъ требованіяхъ отъ желающихъ въ нее поступить. Еслибъ поступающіе въ Лицей имѣли тѣ самыя свѣдѣнія, какія имѣютъ сверстники ихъ въ гимназіяхъ, существованіе Лицея не имѣло бы смысла, такъ какъ на этихъ свѣдѣніяхъ нельзя построить никакого другого образованія, какъ то, которое дается во всѣхъ другихъ школахъ Имперіи.

Это было признано съ перваго дня основанія Лицея. Въ самомъ дѣлѣ, отъ поступающихъ въ него требовалось умѣніе свободно говорить на трехъ иностранныхъ языкахъ. Это одно ставило Лицей внѣ рамокъ всѣхъ остальныхъ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеній, и давало его педагогическому строю совершенно особый, ни съ чѣмъ несравнимый характеръ. Но и въ другихъ отдѣлахъ знанія сумма требованій далеко превосходила то, что въ тогдашнее время существовало въ гимназіяхъ. Казалось, естественно было, слѣдуя постепенному прогрессу, возвышавшему мало-по-малу уровень среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, сохранить тоже относительное положеніе для Лицея и дѣлать подборъ его учениковъ все болѣе и болѣе строгимъ.

Произошло совершенно противоположное. Подъ вліяніемъ какихъ-то уравнилельныхъ идей, которыя въ учебномъ дѣлѣ производятъ всегда самыя пагубныя послѣдствія, исходный пунктъ лицейскихъ программъ сталъ все болѣе и болѣе приближаться къ тому, который издавна существуетъ во всѣхъ гимназіяхъ.

Необходимо, слѣдовательно, возвратиться къ прежнимъ прекраснымъ традиціямъ, къ тому превосходному плану Лицея, который далъ цѣлую плеяду замѣчательныхъ дѣятелей и на первыхъ же порахъ такихъ людей, какъ Пушкинъ, Горчаковъ, Корфъ.

Не менѣе ясно изъ второго вышеизложеннаго начала вытекаетъ, какъ прямое послѣдствіе, программа лицейскаго преподаванія. Если выходящіе изъ Лицея воспитанники должны быть не служебными спеціалистами, какихъ много выходитъ изъ всякихъ другихъ школъ, а общеобразованными людьми, способными умѣло относиться ко всѣмъ сложнымъ сплетеніямъ современной общественной жизни, имъ не должна оставаться скрытой ни одна изъ важнѣйшихъ отраслей человѣческаго знанія. Такъ было прежде, такъ оно и должно быть.

Безъ сомнѣнія, не все было безукоризненно въ старой системѣ учебныхъ программъ, многое подлежало улучшенію; но, помимо этихъ частныхъ, можно смѣло сказать, что Лицей весьма близко подходилъ къ типу образцоваго общеобразовательнаго заведенія. Совсѣмъ иное видимъ мы теперь. Самый поверхностный взглядъ показываетъ, какіе огромные пробѣлы представляетъ онъ теперь въ этомъ отношеніи. Тотъ, кто теперь прослушаетъ весь лицейскій курсъ и сдастъ всѣ экзамены съ полнымъ успѣхомъ, не будетъ имѣть ни малѣйшаго понятія ни о самой элементарной механикѣ, ни о составѣ самыхъ простыхъ химическихъ соединений, съ которыми онъ каждодневно обращается, ни, наконецъ, о той огромной области живыхъ существъ, къ которой принадлежитъ и самъ человѣкъ.

Какое же возможно при этомъ общее образованіе, и чѣмъ будетъ отличаться воспитанникъ Лицея отъ студента юриста, прошедшаго черезъ гимназію? Онъ въ культурномъ отношеніи будетъ даже ниже, такъ какъ гимназія даетъ хотя приблизительное знаніе греческаго языка.

Я просмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ всѣ существующія въ настоящее время въ Лицеѣ программы. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Однѣ скопированы большею частію съ сокращеніями съ гимназическихъ программъ,—онѣ, слѣдовательно, слишкомъ элементарны. Другія гордятся тѣмъ, что соответствуютъ университетскому курсу,—онѣ, слѣдовательно, принадлежатъ спеціальному, а не общему образованію.

Составители всѣхъ этихъ программъ не поняли предстоящей имъ задачи. Юристы или филологи, они стремились исключительно къ растяженію курса, упуская совершенно изъ виду, что уровень преподаванія измѣряется не числомъ лекцій и не массой сообщенныхъ фактовъ, а раціональностью употребляемыхъ методовъ и общностью идей, вокругъ которыхъ факты сгруппированы.

Не разъ приходилось слышать, что прежнее преподаваніе въ Лицеѣ было поверхностно; такое мнѣніе выражалось часто въ совѣтѣ Лицея, какъ это видно изъ выдержекъ, напечатанныхъ въ памятной книжкѣ 1886 года. Тутъ очень прискорбное смѣшеніе двухъ совершенно разнородныхъ понятій: понятія о краткомъ и понятія о поверхностномъ; не все то глубоко, что пространно,—эту несомнѣнную истину педагоги слишкомъ часто упускаютъ изъ вида. Я приведу здѣсь одинъ весьма въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ, заимствованный именно изъ программы современнаго Лицея. Въ немъ физика преподается въ продолженіе трехъ лѣтъ, тогда какъ университетскій курсъ двухлѣтній. А между тѣмъ курсъ этотъ не только поверхностный, но можно сказать совершенно ничтожный и самые лучшіе ученики физики знать не могутъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ классѣ излагаются „законы звука и звуковыхъ волнъ“, а ученіе о кривыхъ, изъ которыхъ составлено волнообразное движеніе, преподается въ слѣдующемъ классѣ. Къ такимъ поразительнымъ несообразностямъ есте-

ственно и незамѣтно приводитъ безсистемное распредѣленіе человѣческаго знанія и замѣтна капитальной задачи о томъ, *какъ* преподавать, исключительной заботой о томъ *что* преподавать. Эти и многія другія критическія замѣчанія сами собою напрашиваются при самомъ бѣгломъ обзорѣ теперешнихъ лицейскихъ программъ. Но они ставятъ только вопросъ о необходимости реформы, но не рѣшаютъ, что и какъ надо измѣнить. Я постараюсь рѣшить его по возможности кратко и въ послѣдовательномъ порядкѣ, оставаясь вѣрнымъ тѣмъ двумъ началамъ, которыя я формулировалъ въ началѣ этой записки.

Условія поступленія въ Лицей. Успѣхъ образованія, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, зависитъ отъ исходной точки. Чѣмъ выше уровень знанія поступающихъ учениковъ, тѣмъ болѣе облегчается задача ихъ умственного и нравственного развитія. Нѣкоторыя части знанія пріобрѣтаются только въ раннемъ возрастѣ: сюда принадлежитъ знаніе языковъ; другія возможны въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи только тогда, когда они были основательно подготовлены съ первыхъ шаговъ воспитанія: сюда принадлежитъ математика. Строгая провѣрка познаній по этимъ двумъ отраслямъ должна, слѣдовательно, лежать въ основаніи пріемныхъ экзаменовъ, о характерѣ которыхъ я скажу далѣе нѣсколько словъ.

Опредѣляя возрастъ поступленія между 14 съ половиною и 16 годами, весьма мало различающійся отъ нынѣ существующаго, и основываясь на педагогическомъ опытѣ многихъ странъ, слѣдующая программа для поступленія мнѣ кажется необходимою, какъ минимумъ требованій.

Законъ Божій. Священная исторія; катехизисъ; главныя молитвы.

Русскій языкъ. Этимологія и синтаксисъ; безошибочныя писанія сочиненій на заданную тему.

Латинскій языкъ. Этимологія и синтаксисъ; переводъ съ латинскаго на русскій одного изъ легкихъ авторовъ.

Языки: французскій, нѣмецкій и англійскій. Умѣніе свободно владѣть этими языками и элементарное знаніе ихъ грамматикъ.

Исторія. Древняя исторія.

Географія. Сокращенная всеобщая географія.

Математика. Ариметика, алгебра, включая квадратныя уравненія. Геометрія: Планиметрія и Стереометрія.

Эти начальныя знанія вполне достаточны при шестилѣтнемъ курсѣ Лицея для доведенія до конца высшаго общаго образованія. Но они достаточны только при условіи быть не кажущимися, а дѣйствительными. При существующей формѣ экзаменовъ точное опредѣленіе познаній совершенно невозможно. Устное испытаніе, зависящее отъ тысячи случайностей, не даетъ никакого понятія о степени знанія экзаменуемаго; отлично заученные тексты могутъ соотвѣтствовать полному неумѣнію ихъ практически прилагать, а только практическое примѣненіе пріобрѣтенныхъ свѣдѣній можетъ считаться истиннымъ знаніемъ. Экзамены должны, слѣдовательно, быть главнымъ образомъ письменными и устное испытаніе только служить второстепенной провѣркой, какъ это практикуется во всѣхъ серьезныхъ европейскихъ школахъ. Къ чему служитъ точно выраженное правило грамматики, если ученикъ дѣлаетъ орфографическія ошибки? Къ чему ведетъ знаніе наизусть теоремы и ея доказательства, если ученикъ не умѣетъ рѣшить простой задачи?

Мнѣ не безызвѣстно, что такая система испытаній не принята до сихъ поръ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи; но, повторяю, Лицей для достиженія своей цѣли— быть разсадникомъ высшеобразованныхъ людей—долженъ стоять

въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, выше другихъ существующихъ учреждений.

Единственный вопросъ, который можетъ остановить на минуту, это вопросъ о томъ, возможны ли подобныя требованія, не превышаютъ ли они фактически достижимаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ никакихъ затрудненій: означенныя требованія не только значительно ниже того, что требуется въ Германіи, Франціи, Англіи отъ молодыхъ людей 15—16 лѣтъ, но и того, что требовалъ отъ нихъ Лицей 35 лѣтъ тому назадъ. Скажу болѣе. Если внимательно разсмотрѣть программы поступленія, существовавшія почти вѣкъ тому назадъ въ Лицеѣ, то окажется, что для того времени требованія были гораздо сложнѣе тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Ужели же съ тѣхъ поръ въ дѣлѣ первоначальнаго образованія мы пошли назадъ?

Конечно, при общераспространенной привычкѣ приблизительнаго знанія, серьезный экзаменъ затруднить, по крайней мѣрѣ на первое время, даже избранное меньшинство. Но и это возраженіе легко устранить. При Лицеѣ существуетъ уже нѣсколько лѣтъ приготовительный пансіонъ, тѣсно съ нимъ связанный. Стоитъ только улучшить его весьма несовершенное педагогическое устройство, чтобы облегчить даровитымъ юношамъ доступъ въ Лицей даже и при гораздо болѣе трудныхъ условіяхъ поступленія.

Но если эти вступительныя требованія, которыя я считаю наименьшими, достаточны для дальнѣйшаго развитія той программы, которая будетъ дальше изложена, то только въ томъ случаѣ, если программа будетъ исполнена систематически, безъ всякихъ перерывовъ и въ одномъ и томъ же направленіи. Отсюда прямо слѣдуетъ необходимость принимать воспитанниковъ только въ высшій классъ, такъ чтобы они могли проходить безъ всякихъ пропусковъ полный курсъ.

Устройство преподаванія. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію программъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на матеріальную сторону учебнаго дѣла, позволяющую плодотворное приложеніе этихъ программъ. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ является необходимость замѣнить нынѣшнюю шестиклассную систему прежней четырехклассной.

Основатели Лицея не безъ причины приняли эту систему, которая въ продолженіи 75-лѣтняго своего существованія наглядно доказала свое преимущество. Преимущество это двоякое. Въ педагогическомъ отношеніи оно позволяетъ въ большинствѣ случаевъ заканчивать каждый предметъ въ одномъ классѣ безъ всякаго перерыва; опытъ показалъ, что полуторагодовой срокъ совершенно достаточенъ для изложенія даже такихъ обширныхъ предметовъ, какъ напримѣръ Римское право. Съ другой стороны, нѣкоторые предметы имѣютъ своего рода придатокъ, для которыхъ годовой курсъ слишкомъ обширенъ, и которому можно посвятить послѣднее полугодіе. Таковы, напримѣръ, гражданское и уголовное судопроизводства, или теорія финансовъ при политической экономіи.

Но и въ нравственномъ отношеніи уменьшеніе числа классовъ весьма желательно. Чѣмъ болѣе обособленныхъ педагогическихъ единицъ, тѣмъ меньше единства въ цѣломъ, тѣмъ слабѣе узы товарищества, столь необходимыя для созданія духа школы и распространенія его внѣ ея стѣнъ.

Второй вопросъ, который требуетъ объясненія,—вопросъ о распредѣленіи часовъ преподаванія. При современномъ устройствѣ преподаваніе занимаетъ каждый день семь часовъ, которые въ первыхъ трехъ классахъ называются „уроками“, въ трехъ послѣднихъ—„лекціями“. На такое распредѣленіе слѣдуетъ сдѣлать два замѣчанія. Странно вести преподаваніе молодымъ людямъ, возрастъ которыхъ въ млад-

шихъ классахъ отъ 15 до 19 лѣтъ, въ формѣ задаваемыхъ и спрашиваемыхъ уроковъ. Это приученіе къ простому заучиванію, это отсутствіе возможности всякой самостоятельной работы противорѣчатъ самымъ элементарнымъ понятіямъ раціональной педагогіи. Знаніе только тогда плодотворно, когда оно перешло изъ памяти въ сознаніе, когда рутинное пересказываніе слышаннаго замѣнено обдуманнѣмъ пониманіемъ, когда, наконецъ, приобрѣтенное стало стимуломъ къ новымъ приобрѣтеніямъ. Форма „уроковъ“ въ томъ возрастѣ, въ которомъ будетъ начинаться лицейскій курсъ, ведетъ только къ самой безцѣльной потерѣ времени. Поэтому не только полезно, но и необходимо ввести форму лекцій во всѣхъ классахъ Лицея.

Что касается до числа ежедневныхъ лекцій въ каждомъ классѣ, то оно, очевидно, значительно преувеличено. Я весьма далекъ отъ мысли, что семичасовое ученіе можетъ умственно или физически утомить молодыхъ людей. Педагогическій опытъ всѣхъ западныхъ странъ въ этомъ отношеніи вполне убѣдителенъ. Но увеличеніе числа лекцій имѣетъ другое очень вредное послѣдствіе. Ученику, слушающему внимательно въ продолженіи семи часовъ отрывки самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, не остается времени передумать слушанное, уяснить его и пополнить чтеніемъ. Это ясно изъ простаго ариметическаго разсчета. На ѣду и рекреаціи полагается семь часовъ, на сонъ восемь—слѣдовательно остается для пересмотра всего слушаннаго два часа. Сопоставленіе этихъ цифръ достаточно, чтобы показать, до какой степени нераціонально и необдуманно введенъ былъ новый порядокъ въ Лицеѣ. Составители новыхъ программъ имѣли, какъ кажется, исключительно въ виду увеличить „число предметовъ“, что вело за собою увеличеніе числа лекцій; они гораздо менѣе заботились о томъ, какъ эти „предметы“ будутъ усваиваться учениками. А между тѣмъ въ этомъ усвоеніи и заключается вся педагогическая задача.

Лицейскіе новаторы мечтали основать то, что Р. ф. Моль называлъ „факультетомъ Государственныхъ наукъ“, но возвели на мѣсто того зданіе безъ фундамента, безъ симметріи и безъ вѣнчанія, которое Моль, конечно, не призналъ бы за свое дѣтище.

Въ прежнее время въ старшихъ классахъ Лицея читались только четыре часовыхъ лекціи. Этимъ выигрывались три часа, изъ которыхъ два были посвящены на ежемѣсячное репетированіе всего прослушаннаго. Система репетицій, заимствованная изъ знаменитой парижской политехнической школы, въ которой она до сихъ поръ съ успѣхомъ примѣняется, давала въ Лицеѣ поводъ къ многочисленнымъ и, болѣею частью, совершенно основательнымъ возраженіямъ. Но это доказываетъ только то, что заимствована была одна форма, а не самая сущность дѣла. Репетиціи должны, во-первыхъ, состоять не въ одномъ экзаменованіи изъ пройденнаго, но и въ разъясненіи тѣхъ частей, которыя остались для учениковъ непонятными; онѣ должны быть дополненіемъ профессорскихъ лекцій. Во-вторыхъ—и это главное—онѣ должны производиться не профессорами, читающими курсъ, а особымъ избраннымъ для того персоналомъ, который въ Лицеѣ, впрочемъ, всегда существовалъ, но единственно на бумагѣ. Только при введеніи этихъ условій—четырехчасовыхъ лекцій, правильныхъ репетицій и трехъ часовъ времени на самостоятельную работу во всѣхъ четырехъ классахъ—Лицей можетъ достигнуть той цѣли, для которой онъ предназначенъ.

Всѣ эти подробности могутъ показаться второстепенными. Я считаю ихъ, напротивъ того, первой важности. Система образованія и воспитанія, въ особенности избранной молодежи, заключается не только въ названіяхъ разныхъ наукъ, но и въ способахъ преподавать эти науки такъ, чтобы онѣ развивали умѣніе приобрѣтать новыя свѣдѣнія и самостоятельно мыслить.

Вотъ та *программа*, которая, по моему, необходима въ видахъ общаго образованія. Она рассчитана на четыре часовыя лекціи въ день и предметы расположены въ ней, по возможности, такъ, чтобы предшествующіе приготавливали учениковъ къ усвоенію послѣдующихъ.

Цифры, поставленныя въ скобкахъ, выражаютъ число еженедѣльныхъ лекцій.

Четвертый классъ.

Законъ Божій (1). Пространный катехизисъ, литургія и ея исторія.

Русскій и славянскій языки (3), въ особенности съ исторической точки зрѣнія. Упражненія.

Языки: французскій (3), нѣмецкій (3), англійскій (3). Трудности языка. Упражненія.

Латинскій языкъ (3). Повтореніе синтаксиса, особенныя трудности языка, переводъ какого нибудь автора, съ комментаріями не только лингвистическими, но и историческими.

Математика (5). Дополненіе алгебры, теорія уравненій, разности, ряды и проч., прямолинейная тригонометрія, аналитическая геометрія на плоскости.

Механика (1). Общія понятія о равновѣсіи, движеніи и машинахъ.

Исторія (1). Исторія среднихъ вѣковъ.

Географія (1). Географія Россіи.

Всего 10 предметовъ и 24 часа въ недѣлю.

Третій классъ.

Законъ Божій (1). Исторія церкви.

Русскій языкъ (3). Теорія словесности. Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ.

Сравнительная грамматика Индоевропейскихъ языковъ (1).

Латинскій языкъ (2). Чтеніе и толкованіе какого нибудь автора.

Языки: французскій (2), нѣмецкій (2), англійскій (2). Чтеніе и толкованіе болѣе трудныхъ авторовъ.

Математика (4). Сферическая Тригонометрія. Аналитическая геометрія въ пространствѣ. Общее понятіе о дифференціалахъ и интегралахъ.

Астрономія (1). Главныя законы небесной механики. Общее понятіе о небесныхъ тѣлахъ.

Физика (2). Тяжесть. Гидростатика. Звукъ.

Химія (2). Металоиды и металлы.

Исторія всеобщая (1).

Исторія Россіи (1).

Всего 15 предметовъ и 24 часа въ недѣлю.

Второй классъ.

Законъ Божій (1). Каноническое право.

Исторія русской литературы (2).

Исторія греческой литературы (1).
Латинскій языкъ (2). Переводы и комментаріи.
Исторія французской литературы (2).
Исторія нѣмецкой литературы (2).
Исторія англійской литературы (1).
Физика (2). Теплота, магнетизмъ, электричество, свѣтъ.
Химія (1). Органическая химія.
Сравнительная анатомія и физиологія (3). Общее понятіе о строеніи и функціяхъ живыхъ существъ, начиная съ растений и кончая человѣкомъ.
Всеобщая исторія (1).
Русская исторія (1).
Римское право (2).
Статистика Европейскихъ странъ (2).
Всего 15 предметовъ и 24 часовыхъ лекцій въ недѣлю.

Первый классъ.

Латинскій языкъ (2). Переводы и комментаріи трудныхъ авторовъ.
Исторія русской литературы (2).
Исторія римской литературы (1).
Исторія французской литературы (2).
Исторія нѣмецкой литературы (2).
Исторія англійской литературы (1).
Государственное право (2).
Уголовное право (1).
Гражданское право (1).
Международное право (1).
Государственное право иностранныхъ державъ (1).
Статистика Россіи (2).
Исторія философіи (1).
Всеобщая исторія (1).
Русская исторія (1).
Политическая экономія (1).
Гигіена (1).
Всего 17 предметовъ и 24 часовыхъ лекцій въ недѣлю.
Въ общемъ программа эта мнѣ кажется весьма ясной. Она располагаетъ по возможности въ логическомъ порядкѣ—строгая, безусловная логика не приложима къ учебному дѣлу — общія требованія высшей культуры для русскаго молодого человѣка. Но въ частностяхъ она требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій относительно тѣхъ предметовъ, которые я предлагаю прибавить къ существующимъ, и тѣхъ, которые я полагаю полезнымъ упразднить.

Предметы, прибавленные къ прежней программѣ. Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ математика, которая до сихъ поръ преподавалась въ слишкомъ недостаточномъ объемѣ, не смотря на то, что часы, на нее употребляемые, достаточны для полного курса математическихъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи прежнія программы были гораздо рациональнѣе; такъ напримѣръ, въ Лицеѣ прежде проходила аналитическая геометрія. За послѣдніе 25 лѣтъ во всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы объемъ математическаго преподаванія болѣе чѣмъ удвоился—математика

вмѣшивается теперь, можно сказать, во все отдѣлы человѣческихъ знаній. А между тѣмъ въ Лицеѣ въ этотъ самый періодъ времени математическое преподаваніе сдѣлало значительный шагъ назадъ, и сведено теперь къ тому, что не только недостаточно, но и само по себѣ бесполезно. Дѣйствительно, элементарная математика даетъ для рѣшенія даже простыхъ вопросовъ самые сложные и самые неудобные методы, которыхъ никто никогда на практикѣ не прилагаетъ.

Во-вторыхъ — механика. Совершенно непостижимо, что ученіе о равновѣсіи и движеніи, что теорія машинъ, которыми по справедливости гордится нашъ вѣкъ, не вошли въ программу лицейскаго обученія. Этотъ пробѣлъ лишній разъ доказываетъ съ какимъ пренебреженіемъ высшихъ культурныхъ цѣлей была составлена новая программа Лицея. Вводя механику въ преподаваніе Лицея, я просто возвращаюсь къ прежнимъ традиціямъ. Механика преподавалась прежде, она преподавалась даже въ послѣднемъ классѣ и преподавалась однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ математиковъ нашего времени П. А. Чебышевымъ. Въ третьихъ — Астрономія. Еще страннѣе было бы видѣть молодыхъ людей, послѣ шестилѣтняго курса въ общеобразовательномъ заведеніи, чуждыхъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о томъ, что такое солнечная система, о томъ, какъ движутся небесныя тѣла въ безконечности міроваго пространства. Въ Лицеѣ, правда, проходится, такъ называемая, „космографія“, т. е. смѣсь весьма разнородныхъ и весьма приблизительныхъ свѣдѣній, которыя страдаютъ общимъ недостаткомъ оставлять въ молодыхъ умахъ рядъ вопросительныхъ знаковъ вмѣсто ряда точныхъ знаній. Я предлагаю замѣнить ее настоящей Астрономіей, всегда интересующей молодыхъ людей, и помѣщая ея преподаваніе послѣ прохожденія курса Аналитической Геометріи, то-есть, главныхъ кривыхъ, и совмѣстно съ преподаваніемъ Сферической Тригонометріи и аналитики въ пространствѣ.

Въ четвертыхъ, Химія. Здѣсь я опять возвращаюсь къ прежнему неизмѣримо болѣе раціональному порядку вещей. Не говоря уже объ общекультурномъ значеніи этой науки, которая позволяетъ намъ постичь цѣлый рядъ явленій природы, колоссальное развитіе химическихъ свѣдѣній играетъ такую первенствующую роль во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ гигиенѣ и т. д., что выключеніе химіи изъ программы представляется невысказаннымъ.

Въ пятыхъ, Сравнительная Анатомія и физиологія. Въ томъ видѣ, въ какомъ находятся теперь Лицейскія программы, между физическими явленіями и сложными общественными законами, которые исключительно преподаются въ старшихъ классахъ, лежитъ огромная зіяющая бездна. Какъ будто не существуетъ живыхъ существъ, какъ будто законы, управляющіе жизнью, до насъ не касаются, какъ будто зная физику и юриспруденцію, мы можемъ обойтись безъ знанія самыхъ простыхъ функцій нашего организма. Ничто не можетъ лучше характеризовать сбивчивость понятій, служившихъ основаніемъ передѣлки Лицея, какъ этотъ непостижимый пробѣлъ. Прежніе Лицейскіе педагоги неизмѣримо яснѣе поняли предстоящую цѣль. Въ прежнихъ программахъ дѣйствительно мы находимъ зоологію и ботанику. Хотя эти двѣ науки чисто описательныя и слѣдовательно общеобразовательнаго значенія не имѣютъ, но все же онѣ знакомили такъ или иначе съ областью живого.

Въ шестыхъ — Гигіена. Едва ли нужно настаивать на необходимости этого рода знанія въ наше время, когда гигиеническія условія личной и общественной гигиены со всѣхъ сторонъ выдвигаются на первый планъ. Научныя свѣдѣнія, все болѣе и болѣе замѣняющія старый эмпиризмъ и позволяющія не только увеличить среднюю жизнь, но и предотвращать эпидеміи, должны найти себѣ мѣсто въ высшей школѣ, каковъ бы ни былъ ея характеръ, а тѣмъ болѣе въ такой школѣ, какъ Лицей.

Въ седьмыхъ, наконецъ, сравнительная грамматика Индоевропейскихъ языковъ. Это весьма полезное вѣнчаніе серьезнаго лингвистическаго образованія, какимъ всегда славился Лицей. Оно свяжетъ въ одно гармоническое цѣлое пріобрѣтенныя знанія отдѣльныхъ языковъ.

Предметы, исключенныя изъ существующихъ программъ. Я исключаю только три изъ преподаваемыхъ въ Лицеѣ предметовъ: Полицейское право, Финансовое право и Всеобщую литературу. Первые два исключаются по той причинѣ, что они, какъ обособленныя дисциплины, могутъ интересовать только специалистовъ, и не имѣютъ общеобразовательнаго значенія. Дѣйствительно, стоитъ просмотрѣть подробныя программы этихъ предметовъ въ Лицеѣ, чтобы убѣдиться, что сообщаемые въ нихъ факты встрѣчаются уже въ другихъ преподаваемыхъ отрасляхъ знанія. Въ программѣ Полицейскаго Права мы находимъ, напримѣръ, вопросъ объ общественной безопасности, о союзахъ и собраніяхъ, о печати, о бунтахъ, входящіе въ Уголовное Право и тѣсно съ нимъ связанныя; вопросы о призрѣніи бѣдныхъ, о нищенствѣ, пьянствѣ, проституціи, народномъ продовольствіи, которые всецѣло принадлежатъ въ ихъ общемъ видѣ Политической Экономіи и разумно понятой статистикѣ. Что касается до Финансоваго права, или лучше сказать ученія о финансахъ, то эта отрасль всегда входила и должна войти въ политическую экономію, въ которой она занимаетъ видное мѣсто. Лучшимъ къ тому доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что даже во многихъ европейскихъ юридическихъ факультетахъ такой каѳедры вовсе не существовало еще лѣтъ 20 тому назадъ. Слѣдовательно, она не признавалась нужной даже для специалистовъ юриспруденціи.

О каѳедрѣ Истории всеобщей литературы достаточно сказать, что она является совсѣмъ ненужнымъ повтореніемъ уже существующаго, такъ какъ въ Лицеѣ преподаются Истории литературъ Французской, Нѣмецкой и Английской, къ которымъ я прибавилъ литературы греческую и римскую.

Резюмируя все вышесказанное, оказывается, что, прибавляя семь предметовъ и исключая три, уменьшая число еженедѣльныхъ лекцій съ 42 на 24, получается не только возможность болѣе легкаго усвоенія преподаваемаго, но и неизмѣримо большее равновѣсіе между различными отраслями знанія, которыя располагаются одна за другой безъ какихъ либо существенныхъ пробѣловъ. Предложенная мною программа, за весьма немногими исправленіями ничто иное, какъ прежняя программа; она отвѣчаетъ вполне задачѣ Лицея — воспитывать избранное меньшинство общеобразованныхъ молодыхъ людей.

Но программы, какъ бы раціональны онѣ ни были, не исчерпываютъ еще педагогическій вопросъ. Для приложенія ихъ и ихъ охраненія отъ случайныхъ уклоненій нужны люди. Занятіе каѳедръ достойными профессорами не представляетъ затрудненій, талантливые преподаватели всегда находились и всегда найдутся. Но этого недостаточно. Преподаватели — люди спеціальности, они озабочены исключительно судьбой своихъ каѳедръ, имъ нѣтъ дѣла до всего остального. Юристъ смотритъ обыкновенно съ недовѣріемъ на словесниковъ, словесники имѣютъ мало общаго съ математиками. А между тѣмъ общее образованіе достигается не простымъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ обломковъ знанія, а сліяніемъ всѣхъ частей въ одно нераздѣльное цѣлое. Если бы большинство Лицейскихъ преподавателей вышло изъ Лицея, какъ это существуетъ во всѣхъ возможныхъ школахъ среднихъ и высшихъ, русскихъ и иностранныхъ, рѣшеніе такой задачи не представляло бы ни малѣйшаго затрудненія. Все преподаваніе клонилось бы постоянно къ одной и той же всеми понятой и сознаваемой цѣли. Но какъ это ни желательно, это, очевидно, невозможно теперь, ни даже въ ближай-

шемъ будущемъ. Надо слѣдовательно подумать о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ уменьшить необходимое зло разрозненности; такихъ мѣръ представляется три — я ихъ заимствую прямо изъ долгаго опыта многихъ образцовыхъ высшихъ учебныхъ заведеній Европы.

1. Начальство Лицея должно назначаться Правительствомъ исключительно изъ бывшихъ его воспитанниковъ. Отъ него будетъ зависѣть дать общее направленіе преподаванію, оно дастъ единство, котораго безъ этого никогда не существовало и существовать не можетъ.

2. Рядомъ съ Директоромъ и Инспекторомъ необходимо имѣть *педагогическій советъ*, составленный, не такъ какъ теперь, изъ тѣхъ или другихъ Профессоровъ, назначаемыхъ обыкновенно по старшинству, а изъ всѣхъ преподавателей, имѣющихъ всѣ одинаковый голосъ. Преподаватели всѣхъ частей знанія должны имѣть одинаковое значеніе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ всѣ эти части одинаково важны. *Совету* будетъ предоставлено рѣшеніе той массы детальныхъ вопросовъ, которыми полна жизнь всякаго учебнаго заведенія.

3. Но важные вопросы, касающіеся въ особенности измѣненія программъ, должны кромѣ того обсуждаться въ другомъ *Общемъ советѣ*, составленномъ изъ бывшихъ Лицейстовъ, избранныхъ Правительствомъ, и нѣкоторыхъ Профессоровъ, спеціально для того избранныхъ Педагогическимъ Советомъ. Это второе собраніе, большинство котораго будетъ состоять изъ лицъ, не принадлежащихъ преподаванію и не вмѣшивающихся въ его мелкія стороны, будетъ главнымъ хранителемъ Лицейскихъ традицій. Состоя изъ лицъ, занимающихъ значительное общественное положеніе, имѣющихъ и жизненную опытность и общее образованіе, оно будетъ естественнымъ посредникомъ между спеціальными требованіями преподаванія и высшими требованіями Правительства.

Сочетаніе этихъ трехъ мѣръ вездѣ, гдѣ оно осуществилось, дало самые благотворные результаты.

Остается мнѣ затронуть еще одинъ важный пунктъ.

Рациональныя программы, правильное репетированіе пройденнаго — суть способы, позволяющіе ученикамъ вполнѣ воспользоваться годами, проведенными въ школѣ. Но значительныя права, даруемыя Лицейстамъ при ихъ вступленіи на службу, дѣлаютъ необходимой точную провѣрку пріобрѣтенныхъ свѣдѣній. Существующая система экзаменовъ превращаетъ эту повѣрку въ полную иллюзію. Первое, что поражаетъ въ ней, это то, что экзаменуютъ тѣ же Профессора, которые преподаютъ. Изъ этого выходитъ послѣдствіе, всѣмъ намъ хорошо извѣстное, что ученики, экзаменуются не изъ какого нибудь предмета, а изъ того или другого Профессора. Они заботятся главнымъ образомъ не о точномъ знаніи, а о подлаживаніи къ особымъ пріемамъ и особымъ мнѣніямъ Преподавателя. Наука замѣняется личностью Профессора. Эта непоследовательность давно уже не существуетъ въ Европейскихъ школахъ, она уничтожена и въ Россіи, гдѣ университетскіе экзамены замѣнены экзаменомъ передъ особо назначенной Коммиссіей. Нѣтъ слѣдовательно никакой причины сохранять ее въ Лицеѣ.

Вторая весьма слабая сторона теперешнихъ экзаменовъ — это употребленіе такъ называемыхъ билетовъ, обращающихъ экзаменъ въ лотерею, въ которой далеко не всегда выигрываютъ самые лучшіе, и привычка довольствоваться исключительно *устными* отвѣтами, при которыхъ бойкіе всегда становятся выше знающихъ.

Экзаменаторы должны составлять также какъ и репетиторы особый, отъ Профессоровъ отличный, персоналъ. Экзамены изъ всѣхъ предметовъ должны быть и

письменные и устные. Только при этихъ условіяхъ усилія начальствующихъ и учащихъ могутъ дать дѣйствительно полезныя результаты.

Конечно, такое перестроеніе существующаго, ведущее къ лучшему и болѣе целесообразному устройству, потребуетъ отъ правительства болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ пожертвованій. Но что значатъ эти пожертвованія въ сравненіи съ той неоцѣнимой пользой, которую можетъ принести Отечеству высшая общеобразовательная школа.

Парижъ. 30 декабря 1898 г.

Циркулярное письмо Г. Н. ВЫРУБОВА.

Въ виду предстоящаго обсужденія мысли о преобразованіи Лицея, позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ нѣкоторыми разъясненіями, необходимыми, по моему мнѣнію, для пополненія краткой записки, представленной мною годъ тому назадъ.

Возникшій вопросъ состоитъ изъ двухъ совершенно различныхъ вопросовъ, которые защитники этого дѣла стараются постоянно смѣшивать и которые надо прежде всего строго отличить, потому что они не имѣютъ между собой прямой, необходимой связи. Первый вопросъ слѣдуетъ поставить такъ: нужна ли и возможна ли въ Россіи высшая школа общаго образованія? Второй вопросъ заключается въ томъ, какія программы болѣе всего соотвѣтствуютъ этой задачѣ. Ясно, что о предположенномъ мною педагогическомъ планѣ можно спорить только въ томъ случаѣ, если первый вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно: въ этого условія моя программа не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ она въ общемъ и въ частностяхъ составлена съ совершенно опредѣленной цѣлью. Ясно тоже, что, если бы даже мой учебный планъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что нужно оставить Лицей въ его теперешней, въ высшей степени нераціональной формѣ и не слѣдуетъ возвратитъ его къ прежнему назначенію.

Раздѣляя такимъ образомъ эти два вопроса, я позволяю себѣ представить Вамъ нѣкоторыя соображенія по каждому изъ нихъ.

1. Нужна ли и возможна ли общеобразовательная школа? Замѣчу прежде всего, что вопросъ этотъ политическій, государственный, а вовсе не педагогическій. Рѣшать его должны государственные люди, а никакъ не педагоги. Профессора, за весьма немногими исключеніями, какъ бы учены они не были, люди спеціальностей, они по своему воспитанію и по своимъ умственнымъ привычкамъ не могутъ сознавать необходимости общаго образованія въ томъ видѣ, въ какомъ оно было принято при учрежденіи стараго Лицея. И, слѣдовательно, ни въ какой мѣрѣ не могу признать компетентности специалистовъ въ рѣшеніи вопроса о преобразованіи Лицея, зная напередъ, что они не могутъ не быть противъ него.

Становясь на чисто государственную точку зрѣнія, я не понимаю, чтобы необходимость общеобразовательнаго заведенія для избраннаго меньшинства русской молодежи, быть можетъ болѣе чѣмъ гдѣ либо страдающей недостаткомъ общаго образованія, подлежала малѣйшему сомнѣнію. Если необходимость эта ясно сознавалась еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, то она въ наше время представляется еще явственнѣе. За послѣдніе полъ вѣка Россія сдѣлала во всѣхъ отношеніяхъ огромные успѣхи; образованіе распространилось во всѣхъ классахъ общества, число людей знающихъ увеличилось значительно. Но образованіе это приняло все болѣе и болѣе утилитарный

характеръ, стало все болѣе и болѣе приготовленіемъ къ спеціальнымъ карьерамъ. Оно иначе и быть не могло: общее образованіе, требующее гораздо большихъ усилій и большаго безкорыстія, никогда не было и теперь еще не доступно для большинства. До сихъ поръ распространеніе знанія въ Россіи шло въ демократическомъ смыслѣ; оно все глубже проникало въ общественную массу и такое направленіе дѣла заслуживало бы полнаго безусловнаго сочувствія, если бы оно не шло въ ущербъ умственнымъ интересамъ меньшинства.

Защитники уравнительныхъ идей, которые провели лицейскую реформу съ 1877 г., и аргументы которыхъ ясно изложены въ Памятной книжкѣ Лицея за 1886 г. (стр. 199), очевидно забыли, что демократія заключается не въ пониженіи высшихъ слоевъ, а въ повышеніи низшихъ. Всѣ ихъ заботы клонились къ тому, чтобы сравнять по возможности младшіе курсы Лицея съ гимназическимъ преподаваніемъ, а старшіе — съ университетскими программами, т. е. съ такими учебными системами, которыя предназначаются для всѣхъ безъ исключенія. Увлекаясь чисто педагогической задачей и отвлекаясь отъ основныхъ началъ всякаго общественнаго строя, они упустили изъ виду, что, если разумно и цѣлесообразно удовлетворять умственнымъ требованіямъ массы молодого поколѣнія, несправедливо и вредно жертвовать тѣмъ избраннымъ меньшинствомъ, которое можетъ и должно стать выше этой массы. Для этого меньшинства и созданъ былъ по мысли и плану Сперанскаго Александровскій Лицей.

Развѣ меньшинство это исчезло? Развѣ въ Россіи нѣтъ больше даровитыхъ молодыхъ людей, способныхъ воспріять высшую культуру, которую не даетъ никакое спеціальное заведеніе и которая является только какъ плодъ общаго образованія? А если они существуютъ, то разумно ли государству лишать ихъ сотрудничества, низводя ихъ образованіе на уровень образованія всей массы?

Здѣсь не могу не обратить Ваше вниманіе на мнѣніе, которое я слышалъ и которое Вы, вѣроятно, услышите. Защитники современнаго устройства Лицея утверждаютъ, что теперешніе лицеисты въ культурномъ отношеніи стоятъ выше студентовъ, прошедшихъ черезъ юридическій факультетъ. Это мнѣніе вполнѣ голословное и не трудно его опровергнуть. Теперешній Лицей представляетъ собой совершенно неестественное соединеніе неполной гимназіи съ неполнымъ юридическимъ факультетомъ. Дѣйствительно, въ младшихъ его классахъ, соотвѣтствующихъ гимназическому курсу, не преподается вовсе греческій языкъ, что въ общеобразовательномъ отношеніи составляетъ значительный пробѣлъ. Правда, пробѣлъ этотъ пополняется преподаваніемъ иностранныхъ языковъ, но преподаваніе это, судя по добытымъ результатамъ, или неудовлетворительно или недостаточно. Сравнительно съ прежними, теперешніе лицеисты плохо владѣютъ иностранными языками. Все остальное въ гимназическихъ программахъ оставлено почти безъ измѣненія. Въ старшемъ возрастѣ юридическія науки преподаются въ продолженіе 3 лѣтъ, тогда какъ въ университетахъ курсъ четырехлѣтній; слѣдовательно, и тутъ уровень ниже. Зачѣмъ же давать молодымъ людямъ, знающимъ меньше и хуже подготовленнымъ, большія служебныя права? Я скажу больше. Лицеисты новаго покроя стоятъ ниже правовѣдовъ, учебная программа которыхъ по крайней мѣрѣ совершенно раціонально приспособлена къ опредѣленной цѣли. У новаго Лицея нѣтъ никакой цѣли; это искусственно, никакимъ потребностямъ не соотвѣтствующее и ни для кого не нужное созданіе. Гимназій много, юридическихъ факультетовъ довольно. На это отвѣчаютъ слѣдующее: Лицей предназначается для образованія чиновниковъ по всѣмъ служебнымъ отраслямъ. Такой отвѣтъ основанъ на троякомъ недоразумѣніи. Во первыхъ, такіе чиновники выходятъ ежегодно сотнями не только изъ юридическихъ, но и изъ другихъ факультетовъ. Во вторыхъ, прежій Лицей точно также былъ

учрежденъ, какъ выражается Сперанскій въ своей запискѣ, „для приготовленія юношества, предназначавшагося къ важнымъ частямъ государственной службы“ и эту задачу онъ исполнялъ съ блистательнымъ успѣхомъ въ теченіе почти 70 лѣтъ. Въ третьихъ, наконецъ, самое слово „чиновникъ“ является тутъ какимъ то неопредѣленнымъ терминомъ, который необходимо прежде всего выяснитъ. Если подъ словомъ „чиновникъ“ разумѣть всякаго служащаго, исполняющаго аккуратно и даже умѣло приказаніе начальства, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ существующія высшія школы вполне достаточны. Но есть и должны быть чиновники иного рода, способные управлять государственнымъ механизмомъ, распознавать истинныя нужды страны и рѣшать безпристрастно представляющіяся политическія задачи. Такимъ людямъ нужно не юридическое, а общее образованіе, охватывающее всѣ функціи общественной жизни; такое образованіе современный Лицей не даетъ имъ ни въ какой мѣрѣ. Конечно, и безъ хорошихъ школъ могли вырабатываться гениальные государственные дѣятели, великіе ученые во всѣхъ отрасляхъ знанія; но это только доказываетъ ту истину, слишкомъ часто забываемую, что школы вовсе не предназначаются выпускать въ свѣтъ одни изъ ряда вонъ выходящіе таланты. Ея цѣль гораздо проще и гораздо полезнѣе: облегчать и уравнивать развитіе молодыхъ людей даже съ обыкновенными способностями. Для тѣхъ служащихъ, которымъ суждено ихъ дарованіями или жизненными случайностями дойти до высшихъ степеней правительственной іерархіи, не только не бесполезно, но прямо необходимо имѣть самое обширное общее образованіе и, слѣдовательно, самое правильное умственное развитіе, потому что всѣ общественные вопросы суть вопросы общіе, охватывающіе самые разнообразныя отдѣлы знанія и не принадлежащіе никакой спеціальности. Это такая несомнѣнная истина, которая нигдѣ и ни въ какое время не оспаривалась.

Но тутъ представляется другой, болѣе практическій вопросъ. Возможна ли высшая общеобразовательная школа въ Россіи, есть ли для нея необходимые элементы, подходящая среда? Я знаю, что нѣкоторые обвиняютъ меня въ незнаніи современной Россіи и утверждаютъ, что она не та, какой была полъ вѣка назадъ; что въ ней высшее сословіе, которое всегда давало Лицею наибольшій контингентъ учениковъ, имѣетъ нынѣ совсѣмъ другія стремленія, что оно ищетъ исключительно служебной выгоды. Но чѣмъ же уменьшатся служебныя преимущества, если Лицей возвратится къ своему первоначальному учебному устройству? Развѣ прежніе лицеисты не быстро поднимались на служебномъ поприщѣ? Развѣ они не занимали видныхъ постовъ во всѣхъ отрасляхъ управленія? Съ другой стороны, кто же можетъ согласиться съ тѣмъ, что русское высшее общество перестало желать для молодого поколѣнія образованія въ высшей его формѣ? Кто можетъ признать справедливымъ, что въ 120 милліонномъ Государствѣ, въ которомъ жажда знаній распространяется все болѣе и болѣе, не найдется ежегодно 30 молодыхъ людей, желающихъ сдѣлаться общеобразованными служителями своего отечества?

Слѣдуетъ однако сознаться, что возраженіе имѣетъ нѣкоторую долю правды, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Совершенно вѣрно, что за послѣднее время развилась въ Россіи привычка преслѣдованія дипломовъ съ наименьшей затратой труда; вездѣ, въ среднемъ и высшемъ образованіи, легко констатировать общее стремленіе сокращать программы съ цѣлью облегчить экзамены. Но вѣдь роль всякаго правительства, а тѣмъ паче полновластнаго, монархическаго правительства, и состоитъ главнымъ образомъ въ борьбѣ противъ дурныхъ направленій, возникающихъ въ томъ или другомъ слоѣ общественной среды. Его задачи—не слѣдовать за тѣмъ, что рождается отъ случайныхъ обстоятельствъ, а указывать на то, что должно быть и до чего надо

достигнуть. Нельзя не замѣтить при этомъ, что передѣлка Лицея на новый ладъ въ 1877 г. весьма способствовала этому вредному стремленію къ легкимъ успѣхамъ. Можно прямо сказать, что основная мысль этой реформы вышла изъ этого стремленія.

Изъ записокъ Н. Н. Гартмана, Н. М. Коркунова, изъ разсужденій Совѣта, слѣды которыхъ мы находимъ въ Памятной книжкѣ за 1886 и 1892 г., ясно видно, что всѣ педагогическія заботы сводились на уменьшеніе какъ числа предметовъ, которое находили преувеличеннымъ, такъ и объема тѣхъ изъ нихъ, которые (какъ напр., иностранныя словесности) не могутъ познаваться одной памятью; такіе предметы находили „затруднительными“. Даже практическое знаніе языковъ, которымъ въ былое время отличались всѣ лицеисты безъ исключенія и которое является все болѣе и болѣе необходимымъ, свелось на минимумъ подъ предлогомъ „трудности“.

Конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ странныхъ соображеній вышло то, что Лицей сталъ принимать все слабѣе и слабѣе подготовленныхъ мальчиковъ и выпускать все менѣе и менѣе общеобразованныхъ молодыхъ людей! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если бы лицейскіе педагоги на мѣсто „сокращеній“ усовершенствовали и развили, сообразно съ новыми требованіями европейской культуры, прежнія программы, лицейскій дипломъ, дающій такія значительныя права, продолжалъ бы служить достаточнымъ стимуломъ для привлеченія даровитой и трудящейся молодежи. Въ дѣлѣ образованія тотъ, кто не идетъ впередъ, неизбежно идетъ назадъ, а впередъ можно идти только увеличивая постоянно сумму умственныхъ усилій. Слѣдовательно, изъяснѣе не столько въ общественной средѣ, сколько въ разсужденіяхъ тѣхъ, которые предприняли преобразование Лицея, упуская совершенно изъ вида тѣ культурныя задачи, которыя никогда не переставали стоять въ Россіи, какъ и вездѣ, на первомъ планѣ. Къ нимъ надо и можно вернуться. Несомнѣнно, однако, что укоренившаяся привычка требовать отъ воспитанниковъ наименьшихъ усилій представляетъ, повидимому, серіозное препятствіе для повышенія уровня образованія въ Лицеѣ. Но такое затрудненіе легко устранить. При Лицеѣ существуютъ приготовительные классы, въ которые поступаютъ воспитанники самаго юнаго возраста,—слѣдовательно, начинающіе ученіе почти съ самыхъ первыхъ его элементовъ. Стоитъ улучшить организацію этихъ предварительныхъ классовъ, усилить въ немъ преподаваніе, если не по количеству, то по качеству, чтобы легко привести мальчиковъ съ самыми обыкновенными способностями къ удовлетворенію тѣхъ необходимыхъ требованій для поступленія въ Лицей, на которыя я указалъ въ своей запискѣ.

2. Въ чемъ должна заключаться программа высшаго общаго образованія? Въ дѣлѣ спеціальнаго образованія можно до нѣкоторой степени разнообразно опредѣлять основанія, на которыхъ должна быть выработана учебная программа. Для медиковъ, юристовъ, инженеровъ можно, напримѣръ, предпочитать теорію практикѣ или наоборотъ; можно считать нѣкоторые отдѣлы знанія, — химию для медиковъ, исторію для юристовъ, математику для инженеровъ, — предметами существенными или побочными. Но въ дѣлѣ общаго образованія не существуетъ никакого разногласія. Не даромъ оно прежде обозначалось словомъ *humanité* — оно дѣйствительно должно обнимать, не скажу всю сумму, но весь циклъ человѣческихъ знаній. На это спеціалисты всѣхъ профессій обыкновенно тождественно заявляютъ, что всего знать нельзя. Это совершенно справедливо или совершенно несправедливо, смотря по тому, какъ понимать здѣсь слово *все*. Въ точномъ знаніи не надо смѣшивать двѣ совершенно различныя вещи: съ одной стороны — факты, съ другой — методы и общіе законы. Фактовъ исполнѣе никто знать не можетъ, и ученый, много лѣтъ трудящійся, ихъ не знаетъ всѣхъ,

даже въ своей узкой спеціальности; методъ и общіе законы всѣмъ доступны и только совокупность ихъ можетъ образовать правильный умственный строй. Точное знаніе подраздѣляется на шесть большихъ отдѣловъ: свойства чиселъ, формъ и движеній, свойства небесныхъ тѣлъ, свойства физическія, химическія соединенія, явленія жизни и, наконецъ, огромная и разнообразная группа явленій общественныхъ. Каждый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ свои особыя пріемы изслѣдованія и весьма небольшое число общихъ законовъ, за исключеніемъ послѣдняго, еще не вполне установившагося, поэтому неизмѣримо болѣе сложнаго и которому, слѣдовательно, во всякомъ учебномъ планѣ надо отвести наибольшее мѣсто. Отсюда истекаютъ два необходимыя послѣдствія, которыя лежатъ въ основѣ предложенной мною программы и на которыя я обращаю Ваше вниманіе:

1) въ общеобразовательномъ заведеніи должны преподаваться всѣ отдѣлы знанія, т. е. математика, астрономія, физика, химія, біологія и общественныя науки;

2) науки эти должны преподаваться не въ нѣкоторыхъ, произвольно избранныхъ ихъ частяхъ, а цѣликомъ. Но за то преподаваніе должно быть не описательное, годное только для будущихъ спеціалистовъ, а догматическое. Такъ, на примѣръ, біологія не должна являться въ формѣ зоологіи и ботаники, которыя по своей нескончаемой сложности не имѣютъ никакого общеобразовательнаго значенія, а въ формѣ сравнительной анатоміи и фізіологіи, которыя сводятъ всѣ жизненные процессы на небольшое число общихъ положеній. Даже въ общественныхъ наукахъ, гдѣ описательный способъ необходимъ, надо, какъ справедливо выразился академикъ В. П. Безобразовъ *), „не гоняться за обиліемъ свѣдѣній по этой отрасли, а преимущественно заботиться о солидности знанія и, главное, о серіозности ихъ общаго духа“. Эти два заключенія составляютъ краеугольные камни, на которыхъ должно быть построено высшее общеобразовательное учебное заведеніе. Къ нимъ можно прибавить, отъ нихъ ничего нельзя урѣзать; безъ нихъ всѣ реформы будутъ ни къ чему полезному не ведущими палліативными мѣрами. Съ самаго основанія Лицея все это хорошо ощущалось, хотя въ нѣсколько смутной формѣ, соответствующей тогдашнимъ понятіямъ, и моя программа, въ общихъ ея чертахъ, взята цѣликомъ изъ старыхъ лицейскихъ программъ. Я измѣнилъ только то, что современная культура и болѣе раціональная педагогика показали несостоятельнымъ. Я, слѣдовательно, не изобрѣтаю какія нибудь невѣдомыя новшества, а предлагаю стереть слѣды неумѣло и безцѣльно произведенной въ 1877 году лицейской революціи, и возвратиться къ старому напрасно покинутому пути.

Распредѣленіе учебныхъ часовъ по предметамъ, предметовъ по классамъ, подробности программъ, вообще внутренній педагогическій распорядокъ — все это вещь второстепенная. Моя программа вовсе не претендуетъ на непреложность, — она представляетъ собою не болѣе какъ эскизъ, который, по соглашенію со спеціалистами, можно измѣнить и улучшить во многихъ отношеніяхъ, лишь бы было сохранено ея главное основаніе: совокупность всѣхъ отдѣловъ знанія и догматическій характеръ преподаванія.

Лицейская реформа 1877 г. была настоящей революціей; она, какъ всѣ революціи, отличается отсутствіемъ порядка и устойчивости. Если Вы дадите себѣ трудъ прочесть первыя 12 страницъ Памятной книжки за 1898 — 1899 г., Вы, конечно, будете поражены тѣмъ, что чуть ли не каждый годъ программы перетасовывались, предметы переносились изъ класса въ классъ, вводились новые предметы, между ко-

*) Записка о вѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ системѣ лицейскаго учебнаго курса. 1871 г.

торыми Вы встрѣтите такія странности, какъ „Государственное право восточныхъ странъ“ или „Отечественовѣдѣніе“, другіе предметы сокращались или даже вовсе упразд-
нялись. Среди этого хаоса какое же возможно воспитаніе, когда сами воспитатели не сознаютъ ясно, чего они хотятъ и къ чему ведутъ своихъ воспитанниковъ? Подвиж-
ность программъ есть отрицаніе всякой школы, она можетъ вести только къ при-
скорбной потерѣ лучшихъ годовъ молодости. Программы, разъ установленныя по
зрѣломъ ихъ обсужденіи, должны сохраняться до послѣдней возможности, не смотря
на перемѣну профессоровъ, и измѣнять ихъ надо только при крайней необходимости,
и то не съ плеча, а легкой рукой. Даже плохой планъ, проведенный послѣдовательно,
въ учебномъ дѣлѣ лучше безпорядочныхъ колебаній.

Надо сознаться, впрочемъ, что этой несообразной измѣнчивостью Лицей стра-
далъ во всѣ эпохи своего существованія. Такой капитальный недостатокъ приводитъ
меня весьма естественно къ нѣкоторымъ соображеніямъ, о которыхъ я вкратцѣ упо-
мянулъ въ моей запискѣ. Лицею недоставало органа, способнаго охранять его тра-
дицію, его цѣлость отъ посторонняго вмѣшательства, отъ вторженія чуждыхъ ему
элементовъ. Все его управленіе, весь его педагогическій персоналъ сверху до низу
былъ всегда составленъ изъ людей, не имѣвшихъ съ нимъ никакой связи, — явленіе,
которое не имѣетъ себѣ подобнаго ни въ какой школѣ Россіи или Запада. Какъ же
удивляться послѣ этого, что всякій новый директоръ или инспекторъ, всякій новый
составъ Совѣта—передѣлывали, переустраивали, переламявали безъ оглядки, безъ со-
ображенія съ прошлымъ, которое для нихъ не существовало? Лицей мнѣ всегда
казался кораблемъ безъ баласта, на которомъ болѣе или менѣе искусные моряки
мѣняютъ безпрестанно число и форму парусовъ; такой корабль при противномъ вѣтрѣ
долженъ неминуемо погибнуть. Во всякомъ учрежденіи, а тѣмъ болѣе въ учебномъ
заведеніи, рядомъ съ реформаторскими тенденціями должна существовать возможность
сохраненія прошлаго, добытаго, въ особенности когда, какъ въ данномъ случаѣ, это
прошлое дало самые удовлетворительные результаты. Устройство такого самосохра-
ненія, по моему, весьма просто — слѣдуетъ только взять примѣръ съ того, что съ
успѣхомъ практикуется во всѣхъ высшихъ школахъ Запада. При нихъ существуетъ
всегда *два* инстанціи: *Педагогическая конференція*, составленная изъ *всѣхъ* преподава-
телей безъ исключенія, и *Совѣтъ*, назначенный отъ правительства и состоящій *исключи-
тельно* изъ бывшихъ учениковъ школы, не принадлежащихъ къ ея педагогическому
персоналу. Всѣ предполагаемыя измѣненія въ учебномъ строѣ должны обсуждаться
въ обоихъ собраніяхъ отдѣльно, дабы высшая власть, рѣшающая окончательно, могла
познать вопросъ съ двухъ различныхъ и одинаково важныхъ точекъ зрѣнія. Между
этими двумя собраніями прямой связью является директоръ, который состоитъ ихъ
предсѣдателемъ. Только такое устройство можетъ поставить Лицей на прочную почву,
позволяя ему медленно и систематически развиваться, исходя изъ разъ установленной
основной идеи, а не бросаться ощупью во всѣ стороны, дѣлая каждый разъ опыты,
весьма опасные, когда дѣло идетъ о судьбѣ цѣлаго ряда молодыхъ поколѣній.

По моему, идеаль для будущаго Лицея — составить все свое начальство и весь
свой педагогическій персоналъ изъ бывшихъ своихъ воспитанниковъ. Этотъ идеаль
вовсе не представляется такимъ недостижимымъ, какимъ онъ кажется съ перваго
взгляда. Люди найдутся, когда они будутъ знать, что для нихъ есть мѣсто. Развѣ
даже тогда, когда имъ не представлялось никакой ученой и педагогической карьеры,
не было между лицеистами ученыхъ и профессоровъ? Стоитъ припомнить имена Грота,
Ханыкова, Веселовскаго, Безобразова, Борщова, Майнова. Отчего же не явиться имъ, когда
у нихъ будетъ надежда занять кафедру въ дорогой имъ школѣ. Эти соображенія еще

прямѣ относятся къ персоналу репетиторовъ и надзирателей, болѣе непосредственно вліяющихъ на духъ молодежи, съ которой они находятся въ постоянномъ соприкосновеніи.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ. Во главѣ Лицея стоитъ теперь одинъ изъ его питомцевъ. Остается надѣяться, что на этомъ шагѣ движеніе не остановится и что все лицейское начальство будетъ скоро составлено изъ лицейстовъ. Только тогда дѣло пойдетъ, какъ должно идти всякое педагогическое дѣло — правильнымъ ходомъ, а не беспорядочными скачками.

2007111656